

5
МОСКВА принимает Игоря Стравинского.

Широкие слои любителей музыки приветствуют его на концертной эстраде Большого зала Московской консерватории, встречаются с ним у экранов телевизоров, читают его интервью с корреспондентами различных газет.

Художник огромного дарования и безупречного мастерства, Стравинский живет постоянными поисками нового в искусстве. Похоже, что он легко мог бы подписаться под словами известного французского художника Анри Матисса: «Я не отрекаюсь ни от одного из своих полотен, но среди них нет ни одного, которое я не написал бы иначе, если бы делал его заново».

Не оставаясь безразличным ни к одному из существующих стилей и направлений, пробуя и отбирая все, что по его мнению, способно обогатить музыкальное восприятие и расширить круг музыкальных впечатлений, Стравинский тем не менее всегда остается самим собой. Его эстетика, его композиторская индивидуальность сохраняются неизменно независимо от того, в какой творческой манере он создает то или иное свое сочинение.

Мы смогли лишний раз убедиться в этом на первых же авторских концертах. Словно в подтверждение своей художественной потребности в каждом своем сочинении быть другим, непохожим, композитор дал возможность слушателям сопоставить два произведения, равные по законченности и совершенству воплощения творческого замысла, но едва ли не диаметрально противоположные по духу и характеру музыкального содержания. Это были широко известная в нашей стране симфоническая сюита из балета «Весна Священная» и мало знакомый москвичам «Орфей».

Сначала прозвучала «Весна Священная».

Всякий раз, слушая это произведение, написанное почти 50 лет назад, невозможно отделаться от радостного изумления перед необыкновенной творческой щедростью создавшего ее художника. Дух захватывает от могучего бушевания ритмической стихии, богатства и разнообразия мелодико-темати-

ВСТРЕЧА с «Весной Священной»

И. ВЕРШИНИНА

ческих элементов, всегда сочных, ярких, рельефных, наконец, невиданной тембровой полифонии оркестровой ткани. Стравинский дает нам услышать новый оркестр, в котором каждый инструмент подобно самостоятельному живому существу говорит о чем-то своем, движется, дышит...

В «Весне» поражает эта звуковая объемность и вместительность: точно рухнули неведомые преграды, и мы соприкоснулись с целым миром. Почувствовали, как набухают почки, как наливается соками жизни земля, услышали голоса и звуки природы, птичий гомон, свирельный наигрыш, ощутили брожение молодых жизненных сил в весенних девичьих хороводах, их рост и молодецкий размах в буйной удали мужских плясок и игр.

«Весна Священная» — симфония, но природа ее симфонизма особая. Симфонизм «Весны» рождает в слушателях не столько ощущение непрерывного развития образов, их столкновения и борьбы, но ощущение беспредельного заполнения все расширяющегося и расширяющегося звукового пространства. Этот «пространственный симфонизм» глубоко содержателен в своей основе. Музыкальный образ растет, ширится, не меняясь в своем существе. Каждый вновь появляющийся музыкальный элемент, будь то мелодическая тема или ритмический комплекс, заявляет о себе и утверждает себя как компонент единой формы в длительных настойчивых повторениях. «Весна» как бы возрождает понятие «симфонии» в первоначальном значении этого слова, как «созвучание» различных эле-

ментов, как гармония единого грандиозного целого.

«Орфей» во всем противоположен «Весне Священной». В самом деле, удивительная гармоническая уравнированность, ажурная воздушность оркестровки, ясная чистота и филигранность мелодических линий, из которых словно на наших глазах «ткется» прозрачная полифоническая ткань, наконец, совершенная пластичность музыкальных форм, в размеренном ритме сменяющих друг друга, вызывают к жизни некий обобщенный «музыкаль-

ный образ» античного мифа. Пафос созерцания составляет основу художественного видения Стравинского и в этом произведении. Но если звучание отдельных образов «Весны Священной» давало возможность ощутить их во всей чувственной достоверности, то в «Орфее» этого не случилось. Орфей и Эвридика лишены образной рельефности, они бесплотны и как бы «растворены» в общей поэтической атмосфере музыкального созерцания, которому предается композитор. Слушая прекрасную, возвышенную музыку «Орфея», трудно избавиться от ощущения какой-то внурированной уверенности перед зыбкой текучестью формы этого сочинения. Соседство с буйной, неуемной динамикой «Весны Священной» оказалось невыгодным для «Орфея», подчеркнув безжизненную застылость его образного строя. Исключение — вдохновенная лирическая эпитафия Орфею, венчающая произведение. И это по-своему тоже характерно для Стравинского, который нередко прибегает к своим лирическим откровениям к концу произведения. Достаточно вспомнить просветленную коду финала Симфонии псалмов.

Несмотря на прекрасное пластичное исполнение «Орфея» Государственным симфоническим оркестром под управлением самого композитора, это произведение показалось слишком хрупким и бесплотным, очутившись рядом с полнокровной, исполненной жизненных сил «Весной Священной».

И в программе последующих авторских концертов Игоря Стравинского тоже прозвучали произведения предельно контрастные, далекие и по времени написания, и по манере. Среди них — ранний, импрессионистский по манере «Фейерверк», и драматическая «Симфония в трех частях», скорбная «Ода» памяти Наталии Кусевицкой, и блестящее «Каприччио». Но самым глубоким, волнующим впечатлением от концертов Игоря Стравинского наряду с сюитой из «Петрушки» остается «Весна Священная».

Когда-то, много лет назад, на страницах петербургского журнала «Музыка» композитор назвал «Весну Священную» «сокровеннейшим своим произведением», и мы благодарны ему за то, что для первой встречи с советскими слушателями он избрал именно это произведение.

Выступления выдающегося композитора и дирижера, которые после Москвы продолжатся в Ленинграде, безусловно, одно из интереснейших событий начавшегося музыкального сезона.

Игорь Стравинский и Карен Хачатурян.

Фото А. Конькова и В. Егорова
(Фотохроника ТАСС)